

ВОЕННЫЯ

ЗАМѢТКИ

М. ДРАГОМИРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1894.

ВОЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

М. ДРАГОМИРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4-го марта 1894 г.

1.

Въ галереѣ историческихъ дѣятелей есть лица, передъ которыми невольно останавливаешься, сколько бы ни изучалъ событія. Такія лица тянутъ къ себѣ неодолимо, со всѣми ихъ великими и презрительными сторонами, съ безграничнымъ самоотверженіемъ и съ позорнымъ себялюбіемъ, съ величайшими благодѣяніями человѣчеству и съ величайшими преступленіями, передъ которыми содрогается немощь и слабость индивидуальнаго человѣческаго чувства

«Но только тотъ способенъ на великое добро, кто способенъ и на великое зло», сказалъ еще древній мудрецъ [1]), который лично навѣрное никому зла не сдѣлалъ, а между тѣмъ не задумался твердо и ясно высказать это, по глубокому проникновенію въ натуру вещей Въ ряду этихъ лицъ Наполеонъ, конечно, занимаетъ если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ—для насъ, военныхъ, въ особенности.

2.

Кто не задумывался надъ его трагической судьбой! Изъ артилерійскихъ поручиковъ, проведя по пути довольно близкую касательную къ гильотинѣ [2]), попасть въ императоры, въ 11 лѣтъ работы и на 35-мъ году жизни (1793—1804); пройти всю Европу, протащивъ за собою представителей почти всѣхъ ея племенъ до Москвы, и угодить затѣмъ на островъ Св. Елены, все это въ слѣдующія один-

---

[1]) Сократъ.

[2]) Въ эпоху паденія Робеспьера.

надцать лѣтъ... проворно; на столько проворно, что другого подобнаго примѣра проворства всемірная исторія, кажется, и не представляетъ.

3.

Падать всегда легче, чѣмъ подниматься; да паденіе и понятнѣе; слѣдовательно, менѣе интересно; но какъ и почему онъ поднялся? Я, конечно, не скажу на этотъ счетъ ничего новаго; желаніе мое гораздо скромнѣе: свести старое въ короткій, по возможности, очеркъ и, самое большое, прибавить нѣсколько штриховъ, дошедшихъ до насъ по преданію, и утрата коихъ нежелательна.

4.

Всякій подъемъ въ карьерѣ есть произведеніе изъ личныхъ свойствъ на обстановку; а обстановка того времени была такова, что не только слабые, но и сильные гибли; слѣдовательно, ускользнувшіе сильные должны были закалиться до совершеннаго притупленія чувства самосохраненія, т. е. до полнаго самоотверженія, самообладанія и, какъ ихъ слѣдствія, до полной ясности мысли и взгляда въ самыхъ даже отчаянныхъ, повидимому безвыходныхъ, положеніяхъ.

«Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло,
Куетъ булатъ».

5.

Итакъ, Наполеонъ за свою драгоцѣнную шкуру не только не боялся, но, полагаю, потерялъ даже сознаніе того, что въ природѣ человѣка существуетъ такая боязнь. Эта черта—черта безграничнаго самоотверженія—кромѣ того, что при ясности взгляда даетъ

способность риска на такія рѣшенія, мысль о коихъ зауряднымъ людямъ даже и во снѣ страшна, имѣетъ и сама по себѣ неодолимую, чарующую прелесть для массъ. Она, и только она, стремитъ толпу (или массу, какъ угодно) неодолимо, неотразимо за каждымъ фанатикомъ: чтобы вести толпу на гибель, нужно самому не бояться погибнуть.

6.

А Наполеонъ былъ фанатикъ. Читатель, вѣроятно, иронически улыбнется: «какъ, этотъ холодный, безсердечный, безсовѣстный, лишенный всякаго нравственнаго чувства человѣкъ былъ фанатикъ? Вотъ такъ парадоксъ!» Условимся, дорогой читатель; можно быть фанатикомъ всего на свѣтѣ, въ томъ числѣ своего собственнаго честолюбія. И онъ былъ имъ. Недаромъ Стендаль сказалъ, что Бонапартъ преслѣдуетъ только одну цѣль уже въ тѣ года, когда другіе люди гоняются за десятками цѣлей. «Я пробьюсь, или погибну», вотъ его девизъ съ самаго молоду. Кто ставитъ вопросъ такимъ образомъ, тотъ, конечно, фанатикъ, тотъ почти всегда получаетъ рѣшеніе вопроса въ свою пользу, и находитъ пособниковъ рѣшенія.

7.

И притомъ фанатикъ, заразительный на разстояніи. Онъ потянулъ за собой не только всю французскую, но чуть не молодежь всей Европы. Даже у насъ, отдѣленныхъ отъ Франціи и громадными разстояніями, и всѣмъ строемъ жизни, нашелся князь Андрей, мечтавшій подъ Аустерлицомъ обрѣсти «свой Тулонъ» [1]). Могутъ сказать, что это герой романа, что его и не было: но теченіе было; иначе Толстой, какъ геніальный романистъ, его не отмѣтилъ бы.

---

[1]) «Война и миръ». Графа Л. Толстого.

8.

«Но тѣ, которые за Наполеономъ шли, можетъ быть были пріучены къ подчиненію долгимъ гнетомъ, можетъ быть не понимали его?» Не совсѣмъ такъ: масса французская, т. е. по натурѣ скептическая и насмѣшливая; масса, взбаламученная притомъ революціоннымъ катаклизмомъ, слѣдовательно, весьма отзывчивая, но не очень-то податливая и покорная; начальники, не терявшіе своего franc parler въ самыя блистательныя минуты этой невѣроятной эпопеи.

Подъ Риволи (1796 г.), проѣзжая мимо одного полка, Бонапартъ услышалъ отъ простаго солдатика такое привѣтствіе: «Général, tu veux de la gloire? et bien nous t'en.... de la gloire.» (Генералъ, ты хочешь славы? Ну, такъ мы тебѣ на......работаемъ славы). Въ 1800 году при Маренго Desaix, пришедшій, какъ извѣстно, на помощь въ критическую минуту, обращается къ Бонапарту съ такимъ комплиментомъ: «Battu, g...f... que tu es»? — «Battant, battu, c'est le sort des batailles», смиренно отвѣчаетъ Бонапартъ. Нѣсколько позже Массена [1]) на замѣчаніе, вызванное за дѣло, «Vous êtes le plus grand brigand du monde», riposta en s'inclinant bien bas: «après Vous, Sire!» («Вы самый большой разбойникъ», раздражительно крикнулъ Наполеонъ. «Послѣ васъ, Sire», отвѣтилъ, почтительно поклонившись, Массена). Въ 1807 году, послѣ Эйлау, славу котораго Наполеонъ приписалъ Мюрату, Ланнъ не поцеремонился «доложить»: «Nous avons combattu plus que lui, Augereau et moi! Croyez-vous que je sois homme à me laisser arracher une seule palme? Non, par personne! Pas même par votre coq empanaché de beau-frère qui vient après la victoire chanter coquericot.» («Мы дрались больше его, я и Ожро! Думаете ли вы, что я позволю отнять хоть одинъ изъ моихъ лавровъ? Нѣтъ, никому! Даже вашему распѣтушенному зятю, который послѣ боя кричитъ кукареку»). А Ней на другой день послѣ Бородина: «s'il a désappris de faire son affaire, qu'il aille se .... à Tuilleries; nous ferons mieux sans lui.» («Если онъ

[1]) Любилъ пограбить.

разучился дѣлать дѣло, пусть убирается...... въ Тюильри; мы сдѣлаемъ безъ него лучше»). Вотъ каковы были солдаты и каковы начальники. Нѣтъ, это былъ конь, на которомъ поѣхалъ бы не всякій. Но, устремляемые имъ, эти люди шли и гибли, и не жалѣли о своей гибели...

9.

Самоотверженіе и фанатизмъ—свойства волевыя, т. е. опредѣляющія возможность и стремленіе дѣйствовать; но цѣли для достиженія во всякомъ данномъ случаѣ они не даютъ. Какія въ данномъ случаѣ цѣли поставить, какія комбинаціи измыслить, дабы достиженіе ихъ получилось легче и обошлось дешевле—дѣло ума.

И съ этой стороны Наполеонъ имѣетъ, сколько думаю, одного только соперника, къ несчастію, не оставившаго по себѣ достойнаго бытописателя—это Аннибала. Чисто демоническая способность заглянуть въ душу противника, разгадать его духовный складъ и намѣренія, при быстрой оцѣнкѣ мѣстности, дѣлали его чуть не колдуномъ въ глазахъ своихъ и чужихъ, вселяя въ однихъ безграничную къ нему вѣру, въ другихъ чуть не суевѣрный ужасъ.

И въ развитіи этихъ способностей обстановка съиграла также не послѣднюю роль: то горячечное время вызвало страшное напряженіе всѣхъ духовныхъ силъ. «On vieillit vite sur les champs de bataille», сказалъ онъ; а во время революцій и тѣмъ болѣе, прибавимъ отъ себя. Школа была хороша, да и ученикъ не дуренъ, если въ 31 годъ заслужилъ отъ одного изъ корифеевъ революціи извѣстный отзывъ: «Qu'il sait tout faire, qu'il peut tout faire et qu'il veut tout faire.» («Что онъ все умѣетъ, все можетъ и все хочетъ сдѣлать»).

10.

Первыя свои кампаніи Наполеонъ сдѣлалъ въ горахъ и при врожденномъ дарѣ сразу видѣть въ данной мѣстности то, чего другіе не видѣли, горы утвердили и воспитали этотъ даръ. Такъ, по

крайней мѣрѣ, объяснялъ себѣ эту изумительную способность одинъ изъ нашихъ лучшихъ генераловъ того времени—Ермоловъ.

Думаю, что это объясненіе вѣрно, ибо найтись и разобраться труднѣе всего въ горахъ, гдѣ иногда небольшая перемѣна мѣста мѣняетъ ландшафтъ до неузнаваемости. Кто эту трудность преодолѣлъ, тому разбираться на мѣстахъ болѣе ровныхъ, конечно, ничего не стоитъ. Ниже увидимъ, какіе неожиданные ресурсы онъ умѣлъ находить въ такихъ мѣстностяхъ, которыя избирать для боя кажется обыкновенному глазу безуміемъ.

11.

Чтобы читать въ душѣ своихъ и чужихъ и чтобы это чтеніе употреблять себѣ въ пользу, нужно быть практическимъ психологомъ. Дѣло тутъ не въ знаніи теоріи, не въ главахъ и параграфахъ, а въ томъ, чтобы мимолетныя внѣшнія проявленія незримыхъ, иногда скрываемыхъ состояній души хватать на-лету и видѣть именно эти состоянія, а не другія, т. е. не попадать въ корову, когда мѣтишь въ ворону. Достаточно дрогнуть одному мускулу, измѣнить одной нотѣ въ голосѣ, чтобы для такого чтеца стало ясно страшно многое, иногда самое потаенное. О такихъ людяхъ говорятъ, что они видятъ человѣка насквозь. Нужно ли говорить, что и эта способность развивается и крѣпнетъ именно въ опасныхъ положеніяхъ, и что она въ высокой степени была свойственна Наполеону? Обворожить, заполонить, когда нужно навести ужасъ—никто не умѣлъ этого дѣлать, какъ онъ. Немало было людей, ему враждебныхъ, переходившихъ къ искреннему расположенію послѣ первой встрѣчи (Императоръ Александръ I); немало было и такихъ, которые храбрились въ пріемной, возмущались раболѣпствомъ другихъ и которые сами раболѣпствовали и подчинялись его волѣ, когда приходилось стать съ нимъ съ глазу на глазъ. Это былъ безсознательный гипнотизаторъ. Какъ онъ дѣлалъ это, преданій осталось мало.

У генерала Трошю [1]), напримѣръ, мы находимъ намекъ, что энергія и находчивость нѣкоторыхъ маршаловъ поднималась или

[1]) L'armée française en 1867.

падала въ зависимости отъ того, былъ ли близко Наполеонъ, или отсутствовалъ; но съ кѣмъ это было, какъ и чѣмъ выразилось, мы, къ несчастію, у него не находимъ. У Сегюра [1]) находимъ немного указаній, болѣе опредѣленныхъ, въ родѣ того, напримѣръ, какъ подъ Фридландомъ (1807 г.), посылая Нея въ атаку на наше лѣвое крыло, онъ беретъ его *выше локтя за руку*, отдаетъ приказаніе *глаза въ глаза*, и уже когда Ней повернулся, чтобы ѣхать, Наполеонъ, обращаясь къ окружающимъ, замѣчаетъ въ догонку такъ, чтобы тотъ слышалъ: «Voyez-vous, c'est un lion!» По этимъ мимолетнымъ указаніямъ можно догадываться, что онъ, безсознательно конечно, примѣнялъ къ дѣлу пріемы внушенія, теперь сдѣлавшіеся достояніемъ науки. Но вѣдь онъ это дѣлалъ чуть не каждый день, дѣлалъ, что̀ называется на міру; а воспоминаній опредѣленныхъ, фактическихъ о его faits et gestes, не взирая на близость эпохи, осталось безотрадно мало.

12.

Но это съ единицами. Съ массами такія тонкости не у мѣста; съ ними требуются пріемы болѣе грубые, болѣе показные, актерскіе, хотя и относящіеся къ индивидуумамъ. Это первая степень воздѣйствія на массы черезъ единицы. Назвать по фамиліи человѣка, стоящаго въ числѣ тысячъ; спросить, не за такое ли дѣло онъ получилъ орденъ, зная впередъ навѣрное, что именно за это дѣло, и проч. Моралисты, пожалуй, скажутъ, что это недостойные фокусы: пусть говорятъ—на то они и моралисты, чтобы читать правоученія и требовать отъ другихъ того, чему сами въ практической жизни не слѣдуютъ. Но для человѣка жизни, для человѣка, поставленнаго въ необходимость достигать практическихъ цѣлей, выборъ такихъ средствъ, которыя вели бы къ достиженію этихъ цѣлей, а не къ тому, чтобы остаться въ дуракахъ, является условіемъ sine qua non. Да и сами они, эти строгіе моралисты, развѣ не фокусничаютъ въ жизни на каждомъ шагу? Развѣ они не говорятъ зачастую при

---

[1]) Histoire et mémoires.

встрѣчѣ «charmé de vous voir», когда они вовсе не «charmés», и даже можетъ быть совершенно наоборотъ? Мухъ ловятъ на медъ, а не на уксусъ; et si le monde veut être trompé, il faut bien s'y soumettre [1])... Кто сказалъ и слѣдовалъ этому всю жизнь и слѣдовалъ не безъ успѣха: «Будемъ честными, если намъ выгодно, и плутами, если намъ невыгодно быть честными?» Сказалъ человѣкъ, котораго если бы не было, Пруссія не была бы тѣмъ, что она есть теперь.

Сдѣлавъ эту оговорку, я, полагаю, достаточно расшаркался передъ тою лицемѣрною добродѣтелью, которую тѣмъ больше проповѣдуютъ, чѣмъ менѣе ей слѣдуютъ, и буду впредь прямо говорить, какъ онъ дѣлалъ дѣло, не занимаясь тѣмъ, какую расцѣнку его поступкамъ давали и будутъ давать тартюфы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Если онъ такъ дѣлалъ и успѣвалъ, то значитъ поступалъ сообразно натурѣ вещей; гдѣ онъ забывалъ ея законы, онъ несъ за это наказаніе. Я полагаю, что это единственно вѣрный критерій въ примѣненіи къ массамъ и къ общественнымъ дѣятелямъ; вѣрный тѣмъ болѣе, что, при всегдашнемъ столкновеніи интересовъ въ массѣ, хорошое для одного будетъ неизбѣжно дурно для другого.

13.

Но такой способъ воздѣйствія на массы черезъ единицы, избираемыя или непосредственно въ средѣ массъ, или въ средѣ ихъ начальниковъ, не всегда примѣнимъ; а иногда, какъ, напримѣръ, въ примѣненіи къ враждебной массѣ, и совершенно невозможенъ. Да и въ своей массѣ онъ имѣетъ ограниченное, такъ сказать, частичное, т. е. медленное распространеніе; онъ годится какъ пріемъ воспитанія, практикуемый день за днемъ, непрерывно, постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ. А на войнѣ время—все; медленные пріемы не у мѣста; нужно дѣйствовать на всѣхъ разомъ, огуломъ.

Этотъ второй и высшій способъ—*бить по воображенію;* практикуется онъ рѣдко словомъ, а почти всегда дѣломъ и манерой поведенія.

---

[1]) Если свѣтъ желаетъ быть обманутымъ, нужно этому подчиняться.

14.

Воображеніе — страшная сила и страшная слабость человѣка, массоваго въ особенности; а подъ гнетомъ опасности—тѣмъ болѣе. Стоитъ ему вообразить, что онъ непобѣдимъ и онъ будетъ непобѣдимъ; стоитъ вообразить, что онъ не можетъ одолѣть, и онъ будетъ постоянно битъ. И сила великая дана тому человѣку, который способенъ закалить своихъ въ первомъ убѣжденіи и оградить отъ тлетворнаго прикосновенія второго. На войнѣ кажущееся за дѣйствительное принимается слишкомъ часто; достаточно напомнить о паникахъ и о томъ, чтò маршалъ Саксонскій говоритъ о преслѣдованіи разбитаго непріятеля, чтò его можно гнать «avec des vessies [1]), такъ какъ его гоните не вы, а гонитъ «собственное мнѣніе» —воображеніе тожь. Это свойство человѣка извѣстно не только «великимъ ловцамъ людей передъ Господомъ», но и психологамъ-теоретикамъ; только первые видятъ въ немъ свойство человѣка, коимъ пользуются какъ самымъ мощнымъ орудіемъ въ достиженіи великихъ массовыхъ цѣлей; а вторые его только констатируютъ какъ фактъ, чуть не мимоходомъ, иногда даже саркастически: какъ чисто умовымъ людямъ и подобаетъ относительно всего того, что непостижимо съ точки зрѣнія одного ума [2]).

15.

Наполеонъ зналъ эту страшную силу, орудовалъ ею, какъ никто, въ дѣлѣ подчиненія воли милліоновъ людей его единичной волѣ, и орудовалъ сознательно. «Воображеніе управляетъ міромъ; безъ воображенія человѣкъ былъ бы животное», замѣчаетъ онъ, не помню гдѣ. Первымъ качествомъ полководца считаетъ онъ «холодную голову», т. е. способность «не дѣлать себѣ картинъ», какъ выражается

---

[1]) Пузырями.

[2]) Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point. Т. е., сердце имѣетъ свои доводы, коихъ умъ вовсе не знаетъ. И зачастую raison расположенъ или отрицать то, чего онъ объяснить не можетъ, или же, если и признаетъ,—такъ какъ фактъ очевиденъ,—то со смѣшками и кривляньями.

онъ на своемъ образномъ языкѣ; другими словами, способность не подчиняться воображенію, не дѣлать изъ мухи слона.

Такъ говорилъ человѣкъ жизни, практики, т. е. по преимуществу волевой человѣкъ; а хотите знать, какъ о томъ же говоритъ человѣкъ умовой, т. е. созерцательнаго типа? Вотъ какъ: Le nez d'une populace, c'est son imagination; c'est par ce nez qu'on pourra toujours facilement la conduire [1]). И оба правы! Только одинъ видитъ, что воображеніе, какъ и всякая сила, имѣетъ два полюса, т. е. что ее можно употреблять и ею злоупотреблять; а другой видитъ только послѣднее.

16.

Однако, пора кончить съ общими соображеніями, которыя благосклонному читателю можетъ быть и надоѣли; время перейти къ дѣламъ и поступкамъ.

Я засталъ еще въ живыхъ двухъ современниковъ великой эпохи. Одного изъ нихъ я уже назвалъ; другаго не назову, но сообщу съ его словъ, какое впечатлѣніе Наполеонъ производилъ на противниковъ въ бою.

«Столкновеніе начиналось обыкновенно часовъ около 5-ти утра. Наполеонъ, избравъ себѣ невдалекѣ отъ резерва мѣсто, съ котораго открывался бо́льшій кругозоръ на поле битвы, слѣдилъ за ея ходомъ, прогуливался, разговаривалъ съ приближенными, принималъ донесенія, посылалъ приказанія, а куда нужно и выговоры, давалъ подкрѣпленія только тѣмъ, которые, онъ зналъ, даромъ не попросятъ; но чаще въ нихъ отказывалъ [2]). Дѣло съ разными перипетіями тянулось, такимъ образомъ, часовъ до 4-хъ пополудни. Тогда онъ садился верхомъ, и всѣ знали, что̀ это значитъ: готовился *coup de collier* [3]). Въ резервѣ раздавалось восторженное «vive l'Empereur», которое перелетало въ боевыя линіи, покрывало всѣ бое-

[1]) Носъ черни—это ея воображеніе; и ее всегда легко водить за этотъ носъ. Эдгаръ По.

[2]) Многіе начинаютъ ихъ просить чуть не съ завязкою боя.

[3]) Послѣдній ударъ.

вые голоса, и когда доносилось до противниковъ, у нихъ сердце падало, ибо ожидался ударъ по всей линіи, а кто же зналъ, гдѣ и какъ онъ обрушится?»

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ нанести ударъ, Наполеонъ выдерживалъ противника подъ угрозою гибели *одиннадцать, двѣнадцать часовъ* [1]), т. е. истощалъ его и физически, и нравственно; усиливъ этимъ самымъ истощеніемъ впечатлительность воображенія, онъ простымъ, но постоянно практикуемымъ и потому для его войскъ привычнымъ пріемомъ (садиться верхомъ) подымаетъ воображеніе своихъ до вѣры въ несомнѣнность побѣды, воображеніе чужихъ—до вѣры въ неминуемость пораженія.

17.

Въ сраженіи при Лонато (4-го августа 1796 года), происходившемъ на весьма закрытой мѣстности, по которой войска были разбросаны, Бонапартъ со свитой и небольшимъ конвоемъ случайно наткнулся на 4,000-ную колонну австрійцевъ, отъ которой къ нему подъѣхалъ офицеръ, съ требованіемъ сдачи: «Знаете-ли вы, съ кѣмъ говорите? Я главнокомандующій, за мною вся армія! Какъ вы смѣете!..... Доложите начальнику вашей колонны, что я требую отъ него немедленной сдачи; если оружіе не будетъ положено черезъ пять минутъ, я прикажу разстрѣлять всѣхъ до единаго». И оружіе кладутъ, и сдаются. Ложь, высказанная должнымъ тономъ, стала для австрійцевъ за цѣлую армію, несуществующее за дѣйствительное. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, подлинная армія, когда доброхотный противникъ дастъ вамъ ее въ собственномъ его воображеніи? Правда, даетъ, благодаря страшной силѣ внушенія. Можно себѣ представить, сколько

[1]) Время, въ которое можно сдѣлать форсированный маршъ, съ тою разницею, что онъ ведетъ только къ физическому истощенію, но не сопровождается зрѣлищемъ раненыхъ и убитыхъ и ожиданіемъ каждаго, что вотъ-вотъ и съ нимъ то же будетъ. Могутъ замѣтить, что первиой истомѣ боя подвергались и войска Наполеона; конечно; но, во-первыхъ, онъ всегда атаковалъ, что поддерживаетъ бодрость духа; во-вторыхъ, его резервъ совсѣмъ не страдалъ и преспокойно себѣ отдыхалъ, пока Наполеонъ не садился верхомъ, ибо изъ долголѣтняго опыта зналъ, что до этого ничего рѣшительнаго не будетъ.

нужно было имѣть въ подобномъ положеніи самообладанія; какимъ актеромъ быть, чтобы не измѣнить себѣ ни глазомъ, ни мускуломъ, ни интонаціей голоса! Какъ послѣ этого не сказать, что воображеніе есть носъ, за который легко водить толпу... Даже въ практикѣ Наполеона это, кажется, единственный примѣръ дѣйствія на воображеніе вооруженной *чужой* массы однимъ только словомъ; и примѣръ тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ относится къ эпохѣ, когда Бонапартъ еще не могъ пріобрѣсти полнаго обаянія, которое впослѣдствіи производилъ на противниковъ.

18.

Бой у Арколе—высокій образецъ умѣнія: 1) поразить воображеніе массы своей и въ особенности чужой, какъ военной, такъ и не-военной; 2) найти неожиданные ресурсы на такой мѣстности, какую избрать добровольно для боя, на обыкновенный взглядъ, кажется просто безуміемъ. Эта мѣстность—болото къ югу отъ Вероны, между Адижемъ и впадающимъ въ него ручьемъ Альпонъ, по которому болоту пролегаютъ двѣ плотины, шириною метровъ въ 5—6: онѣ-то и избраны полемъ сраженія. На нихъ повернуться нельзя, а ему это именно и было нужно.

Въ каждомъ сраженіи есть двѣ стороны: 1) собственно техническая—кто, гдѣ, въ какомъ положеніи стоялъ; кто, куда и когда пошелъ, какую цѣль имѣлъ въ виду, какою цѣною ея достигъ (или не достигъ); 2) психологическая, т. е. какія впечатлѣнія сраженіе возбуждало въ душѣ профановъ, призванныхъ быть въ немъ участниками или зрителями. Первая сторона на столько бываетъ всегда сложна, что присяжные историки о второй обыкновенно забываютъ. А между тѣмъ въ ней все: что бы ни говорили, но вѣдь всѣ большія дѣла дѣлаются толпою и для толпы, и становится она рабомъ, или врагомъ, смотря по тому, умѣете-ли вы залѣзть къ ней въ душу, поразить ея воображеніе, или нѣтъ.

И я былъ грѣшенъ, если не вполнѣ, въ грѣхѣ присяжныхъ историковъ, пока не побывалъ на Аустерлицкомъ полѣ.

Въ 1866 году, возвращаясь послѣ кампаніи въ Берлинъ, я за-

ѣхалъ посмотрѣть на это поле. Подъѣхалъ я съ юга, т. е. со стороны Сачанскаго озера. Озера я уже не нашелъ — дно его обратилось въ роскошный лугъ. У встрѣчешаго поселянина я спросилъ, слышалъ-ли онъ о бывшемъ здѣсь боѣ? «Какъ же, слышалъ отъ дѣда: онъ жилъ тутъ же (въ Аусздѣ) и видѣлъ. Спачала французы были налѣво, а наши и ваши направо; а потомъ французы какъ-то перескочили и очутились направо, а ваши остались налѣво и много вашихъ потонуло въ озерѣ». Вотъ наивный, и, если хотите, глупый разсказъ простеца-профана: но онъ былъ для меня цѣлымъ откровеніемъ.

Разсказалъ онъ о сраженіи только то, что̀ видѣлъ его дѣдъ со стороны озера Сачанъ, но разсказалъ черезъ 60 лѣтъ какъ о чемъ-то непостижимомъ и чудесномъ. И понялъ я тогда, что, дабы оцѣнить событіе во всю его ширь и глубь, со всѣмъ его внутреннимъ смысломъ, мало знать, кто куда пошелъ и что̀ сдѣлалъ, шагъ за шагомъ, а еще полезно справиться, какъ оно отразилось на воображеніи профановъ, которые видѣли только часть событія и только съ одной точки зрѣнія.

Посмотримъ же на аркольскій эпизодъ съ точки зрѣнія веронскаго профана, которую разъяснилъ намъ съ неподражаемымъ искусствомъ самъ Наполеонъ, отлично знавшій все значеніе профановъ и того, что̀ они думаютъ и чувствуютъ. Австрійскій главнокомандующій Альвинци наступаетъ на Верону съ востока; туда же идетъ другая его колонна (Давидовича) съ сѣвера. Соединеніе этихъ колоннъ дало бы австрійцамъ такой перевѣсъ въ силахъ, что Бонапарту нельзя было бы и думать оставаться въ Веронѣ, а пришлось бы снять осаду Мантуи и отступать въ Ломбардію, можетъ быть и далѣе. Чтобы воспрепятствовать этому соединенію, Бонапартъ, не взирая на неравенство силъ, рѣшается атаковать Альвинци на весьма крѣпкой позиціи, у Кальдіеро, 4-го ноября. Атака не удалась; Бонапартъ отступаетъ въ Верону. Альвинци за нимъ слѣдуетъ. Отношеніе силъ таково: у Альвинци 23,000; у Бонапарта 13.000. Положеніе на столько было серьезно, что 13-го ноября Бонапартъ пишетъ директоріи: «Сравнительная слабость арміи и ея истощеніе внушаютъ мнѣ много опасеній. *Быть можетъ мы нака-*

нуть потери Италіи. Я теряю надежду отстоять блокаду Мантуи. Если это несчастіе случится, мы будемъ вскорѣ за Аддой и далѣе, въ случаѣ неприбытія подкрѣпленій».

Что дѣлать?

13-го это было отрапортовано директоріи, а 14-го ноября, вечеромъ, оставивъ слабый гарнизонъ въ Веронѣ, Бонапартъ отступаетъ на западъ, *т. е. въ сторону Франціи.* Въ Веронѣ радость и ликованіе среди враждебной французамъ части населенія: «*Италія всегда была гробомъ французовъ*» и прочіе разговоры въ томъ же родѣ.

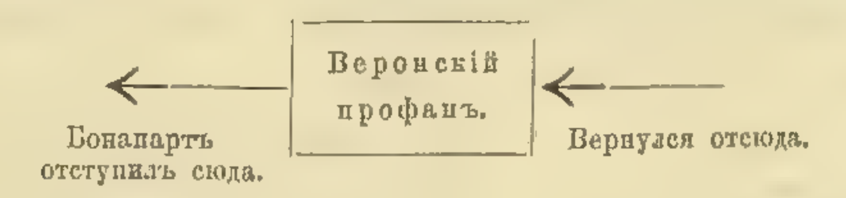
Съ тяжелымъ сердцемъ отступаютъ и французы, а Кильменъ [1]) не сомнѣвается, конечно, что его оставили на жертву.

Но на слѣдующій день, когда разсвѣло, французы, оставившіе вчера Верону позади, вдругъ увидѣли по колокольнямъ, что она вовсе не позади, а влѣво отъ нихъ, т. е. думали, что отступаютъ, а вышло, что какъ будто обходятъ.

Въ Веронѣ, въ теченіе этого и слѣдующихъ двухъ дней, слышали канонаду и перестрѣлку въ болотахъ, а на четвертый день, о, ужасъ! Отступившіе французы возвращаются въ Верону: только не съ той стороны, куда они ушли, а съ противоположной, т. е. оттуда, гдѣ стояли австрійцы.

Есть отчего въ отчаяніе придти.... Безъ труда можно себѣ представить, что послѣ такого сюрприза Бонапартъ долженъ былъ казаться въ Веронѣ и друзьямъ, и врагамъ чуть не демономъ, справиться съ которымъ внѣ силъ человѣческихъ, и который, что̀ захочетъ, то и сдѣлаетъ.

Изображая чертежомъ отношеніе веронскаго профана къ событію, получимъ:

[1]) Начальникъ веронскаго гарнизона.

Ergo—онъ колдунъ, чудотворецъ, что хотите; но не такой человѣкъ, съ которымъ можно справиться обыкновеннымъ людямъ.

Между тѣмъ, эти два разорванные конца одной линіи связываются просто и естественно.

Оттого заурядпымъ историкамъ и кажется, что ничего тутъ особеннаго нѣтъ. Уже давно замѣчено, что ничего нѣтъ проще изобрѣтенія, сдѣланнаго вчера, и ничего труднѣе того, которое будетъ сдѣлано завтра. Колумбово яйцо!

Такимъ-то образомъ возникаетъ и ростетъ престижъ людей, отмѣченныхъ судьбою; стоустая молва раздуваетъ его до легендарныхъ размѣровъ, и чѣмъ дальше отъ театра событія, тѣмъ больше. Одержанный успѣхъ подготовляетъ новые; а виновникъ успѣха обращается чуть не въ сверхестественное существо.

Съ Альвинци Бонапартъ справился тоже не безъ помощи воображенія: первые два дня—бой на плотинахъ, выбранныхъ потому, что онѣ выходили на лѣвый флангъ Альвинци, и потому, что послѣдній не могъ употребить на нихъ больше войскъ, чѣмъ допускала ширина плотинъ, слѣдовательно, отношеніе силъ этимъ самымъ уравновѣшивалось; на третій день, послѣ переправы черезъ Адижъ ниже впаденія Альпона,—фронтальный бой съ посылкою капитана Hercule (негръ) съ нѣсколькими десятками всадниковъ и съ трубачами по закрытымъ и топкимъ мѣстамъ, для нападенія на лѣвый флангъ и тылъ австрійцевъ. Рѣшительная атака этихъ всадниковъ, а еще болѣе трубные звуки подѣйствовали на воображеніе австрійцевъ, такъ же точно, какъ если бы это былъ серьезный отрядъ, и они отступили, чтобы не быть отрѣзанными (!) отъ своего пути отступленія этимъ сильнымъ и опаснымъ отрядомъ.

19.

Эпизодъ Арколе указываетъ, кромѣ сказаннаго, и на многое другое, именно: 1) на чудовищную подвижность духа и физики этого страшнаго человѣка; онъ самъ не знаетъ устали, и не дастъ покоя ни чужимъ, ни своимъ [1]). Этого одного достаточно, чтобы противника, мало-мальски жидкаго, измочалить физически и нравственно до того, что онъ будетъ радъ все бросить, лишь бы избавиться отъ такой каторги. Довольно сказать, что его отрядъ находился въ движеніи съ 4-го по 18-е ноября, въ томъ числѣ бои у Кальдіеро и почти безпрерывные въ теченіе дней 15-го, 16-го и 17-го; 2) на силу подчинить противника своей волѣ; 3) на упорство, несломимое въ самыхъ безвыходныхъ положеніяхъ; на неспособность приходить въ отчаяніе и вѣру въ побѣду тогда, когда кромѣ гибели, повидимому, ничего было ожидать нельзя.

Дѣйствительно: не удалась одна комбинація (отбросить Альвинци фронтально, т. е. къ востоку), какъ уже готова другая—атаковать его лѣвый флангъ: атаковать по мѣсту, неудобному вообще, но удобному для того, чтобы австрійцы не могли драться широкимъ фронтомъ; атаковать и день, и другой, и третій, не взирая на перемѣнный успѣхъ; отвлечь, такимъ образомъ, мысль Альвинци и отъ его главной цѣли (соединиться съ Давидовичемъ), и отъ какихъ-либо предпріятій на Верону, т. е. подчинить его своей волѣ,—и все это съ 13,000 противъ 23,000!

Скажутъ, можетъ быть, что солдатъ былъ идеальный; это безспорно; въ немъ были возможности, но ихъ нужно было умѣть вызвать. Древніе говорили: лучше армія барановъ, предводимая львомъ, нежели армія львовъ, предводимая барапомъ. И 1799 годъ это показалъ. Тѣ нечеловѣческія усилія, которыя умѣлъ вызывать у солдатъ Бонапартъ, дано вызывать далеко не всякому...

[1]) Одною изъ причинъ этой неестественной дѣятельности не была-ли можетъ быть болѣзнь, схваченная имъ при осадѣ Тулона и вогнанная внутрь? Кто знаетъ. Въ организмѣ все въ связи и взаимодѣйствіи. Послѣ того, какъ Корвизаръ открылъ эту болѣзнь и выгналъ ее, Бонапартъ начинаетъ тучнѣть и понемногу тяжелѣть.

20.

Пониманіе стратегическихъ особенностей мѣстности свойственно было Наполеону, можетъ быть, даже болѣе, нежели тактическихъ. И въ этой сферѣ на обширныхъ пространствахъ онъ видитъ, и сразу, въ мѣстныхъ отношеніяхъ то, чего другіе не видятъ. Для него ясно, что удержаніе сѣверной Италіи зависитъ отъ удержанія Веронскаго раіона; что потерять его и очистить всю Италію до французскихъ границъ—одно и то же. Дѣло въ томъ, что Веронская область—узелъ дорогъ, ведущихъ со стороны Австріи; и, занимая ее, можно бить по частямъ наступающихъ со стороны Тироля и со стороны Изонцо.

Эта рѣдкая способность оцѣнки мѣстныхъ отношеній на большихъ пространствахъ особенно рельефно проявилась въ 1809 году, на Дунаѣ, послѣ Асперской неудачи. Всѣ маршалы высказались за оставленіе острова Лобау. Нѣтъ, говоритъ онъ: очистить Лобау и отступить къ Рейну—одно и то же, *ибо Лобау принадлежитъ къ лѣвому берегу Дуная*[1]), отъ коего онъ отдѣленъ только неширокимъ и неглубокимъ рукавомъ; сохраняя его, мы имѣемъ прекрасный тётъ-де-понъ, съ водянымъ рвомъ, подъ покровительствомъ коего всегда сможемъ навести мосты. Между тѣмъ, бросивъ его и переправившись на правый берегъ, мы переходимъ совершенно въ пассивное положеніе, безъ возможности знать что-либо о предпріятіяхъ противника и противодѣйствовать имъ. Онъ это видѣлъ, а его сподвижники не видѣли.

21.

Сдѣлаемъ сводку: самоотверженіе; отсутствіе чувства опасности[2]); ясность и опредѣленность взгляда; честолюбіе необузданное

---

[1]) Т. е., къ непріятельскому.

[2]) Чѣмъ положенія бывали труднѣе, тѣмъ онъ становился покойнѣе. Подъ Березиной, на упреки, обращенные къ нему однимъ изъ маршаловъ (Сегюръ, къ сожалѣнію, не называетъ его), онъ отвѣчалъ только: «Monsieur, pourquoi voulez vous m'ôter mon calme?» Т. е., милостивый государь, зачѣмъ вы хотите лишить меня спокойствія?

*

и заразительное; умъ глубокій и всесторонній, окончательно сформировавшійся въ горячей революціонной температурѣ къ 25-ти, 26-ти годамъ жизни; необыкновенный даръ пониманія мѣстныхъ отношеній на полѣ сраженія и на театрѣ войны; несломимое упорство; нечеловѣческая дѣятельность и гибкость интеллекта и физики, при неистощимой творческой фантазіи; умѣніе читать въ душѣ человѣка и массъ, какъ въ открытой книгѣ, и соотвѣтственно тому, залѣзть въ эту душу и подчинить ее своей волѣ; умѣніе поразить воображеніе массъ.

Но это не все: безъ счастія далеко не уйдешь даже и при необыкновенныхъ способностяхъ. Если онъ тысячи разъ шелъ на гибель и не погибъ; если шелъ на самыя отчаянныя предпріятія и успѣвалъ, пока счастіе не отвернулось отъ него, то, отдавая должное и способностямъ, и ихъ примѣненію, все же нужно отдѣлить долю шансовъ на счастіе, и долю немалую. Почему одному везетъ, другому не везетъ? Тайна необъяснимая, если по поводу счастія даже Лапласъ не нашелъ ничего сказать, кромѣ того, что если 5-ти-франковая, напримѣръ, монета падаетъ чаще на орелъ, чѣмъ на рѣшетку, то это заключается въ ея конституціи. Можно замѣтить одно, и, кажется, съ большою долею вѣроятія, что, такъ какъ отвага, предпріимчивость почти всегда увѣнчиваются счастіемъ, то всѣ эти данныя, вѣроятно, сродны между собою.

Наполеонъ былъ счастливъ и безгранично вѣровалъ въ свое счастіе. Въ этомъ отношеніи у него были даже свои примѣты, которыя, обыкновенно, называются суевѣріемъ; но едва-ли ихъ можно такъ называть, если примѣты подтверждаются фактами. Правильнѣе ихъ назвать выводами сердца, для ума непостижимыми, и потому имъ осуждаемыми или отрицаемыми [1]).

Наполеонъ вѣровалъ, напримѣръ, что Жозефина ему приноситъ счастіе. Такъ это, или нѣтъ, но фактъ тотъ, что послѣ развода онъ не выигралъ уже ни одной кампаніи... Счастіе было, наконецъ, и въ томъ, что Наполеонъ появился въ эпоху запроса на тотъ родъ способностей, который его отличалъ. Во время, болѣе спокойное,

---

[1]) Мало-ли что онъ отрицалъ, пока не оказывалось, что отрицалъ не понимая? Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point....

эти способности или не нашли бы примѣненія, или не нашли бы его въ такой мѣрѣ.

22.

Да вдобавокъ ко всему Наполеонъ былъ *иностранецъ* относительно французской массы, а это замѣчательно развязываетъ руки. Будь онъ прирожденный французъ, онъ никогда бы не въ состояніи былъ имѣть той безцеремонности ходовъ, которую проявилъ въ теченіе всей карьеры. Не нужно забывать, что Корсика только-что была присоединена къ Франціи, что слитія въ умахъ и тѣмъ болѣе въ сердцахъ не только не было, а, напротивъ, было совершенно опредѣленное стремленіе отложиться — стремленіе, которому Бонапартъ сочувствовалъ, ибо былъ сначала на сторонѣ Паоли.

Этого мало: тѣ традиціи, которыя были обязательны для всякаго француза,—обязательны безсознательно, помимо воли, ибо всасывались съ молокомъ матери,—для Наполеона не существовали; однимъ словомъ, *онъ былъ не только иностранецъ, но и человѣкъ другого культурнаго типа*, т. е. иностранецъ вдвойнѣ. Стендаль правъ, сравнивая его съ знаменитыми кондотьерами XIV и XV вѣковъ; правъ болѣе, нежели можетъ быть самъ думалъ, ибо видитъ въ этомъ сходствѣ только атавизмъ [1]); между тѣмъ, въ немъ открывается полная аналогія: вѣдь корсиканцы по складу понятій и теперь, вѣроятно, не далеко ушли отъ XV вѣка, а 100—150 лѣтъ тому назадъ и подавно. Кажется теперь вполнѣ выяснилось, что культурныя особенности поддаются постороннимъ воздѣйствіямъ весьма медленно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ страна обособленнѣе [2]).

Образованіе, полученное Бонапартомъ во Франціи, культурнаго типа въ одномъ поколѣніи не могло измѣнить. У насъ въ прежнее время воспитывали въ кадетскихъ корпусахъ дѣтей кавказскихъ горцевъ: возвращались они домой послѣ семи, восьми лѣтъ такими же дикарями, какъ были. Нравственную физіономію человѣка не-

---

[1]) Т. е. повтореніе въ одномъ изъ послѣдующихъ поколѣній характеристическихъ особенностей предковъ.

[2]) Какъ, напримѣръ, островъ.

возможно измѣнить такъ же, какъ и физическую. Наполеонъ говорилъ о насъ: «grattez un peu le Russe et vous verrez un tartare», въ полной силѣ это примѣнимо и къ нему, бывшему французомъ только по внѣшности. И мысленно припомнивъ характеръ Наполеона, всякій, вѣроятно, согласится, что, какъ характеръ, это былъ типъ не французскій и даже не италіанскій XVIII вѣка, а корсиканскій XIV и XV вѣка. Образованіе далось ему легко, какъ натурѣ богато одаренной; но характеръ не только остался, а еще закалился подъ вліяніемъ революціи. Правда, онъ заставилъ забыть, что былъ не французъ; но это показало только гибкость натуры, отличающую именно дикаря, который прекрасно умѣетъ хитрить, приспособляться и скрывать или показывать то, что въ его интересахъ нужно. Но приходитъ минута — и наружу прорывается пылкость, мстительность, коварство, жестокость... Никто лучше его не понималъ извѣстнаго максима—лучше убить чорта, чѣмъ ждать, пока онъ васъ убьетъ [1]). Дурно это или хорошо — безразлично; я только констатирую фактъ, и утверждаю, что такія свойства могущественно должны были содѣйствовать успѣху Наполеона, ибо, благодаря имъ, онъ смотрѣлъ на Францію какъ на орудіе: онъ не жалѣлъ ее, какъ пожалѣлъ бы, вѣроятно, прирожденный французъ, и по одному этому, послѣдній, конечно, не пошелъ бы такъ далеко.

23.

И вооруженный этимъ орудіемъ, онъ и пошелъ, и пошелъ. Надѣлалъ массу великихъ дѣлъ, и великихъ бѣдъ. Кто хочетъ видѣть только первыя, тотъ его зоветъ великимъ человѣкомъ, кто только вторыя—извергомъ, антихристомъ [2]), каналіей. Да, пожалуй, ка-

---

[1]) Послѣ роялистскаго заговора Пишгрю и Кадудаля, подстроеннаго Фуше, по внушенію Наполеона (см. «Les derniers jours du Consulat par Fauriel»), отправлены въ ссылку не роялисты, а якобинцы: они были, конечно, опаснѣе роялистовъ. Почище этого была засада, погубившая послѣ Ваграмскаго сраженія полковника Удé (Houdet) съ его офицерами, которые принадлежали къ обществу филадельфовъ, и составили заговоръ убить Наполеона.

[2]) У насъ въ 1812 году даже подсчитывали, что имя его изображаетъ число 666.

нальи, но только высокая, т. е. великій человѣкъ тожъ, ибо только тотъ способенъ на великое добро, кто способенъ и на великое зло. Не всякому дано быть высокимъ даже и въ канальствѣ. Есть канальство и канальство: за одно ставятъ памятники и награждаютъ безсмертіемъ; за другое удлиняютъ на висѣлицѣ, или укорачиваютъ на гильотинѣ: разница ощутительная. Въ маленькихъ Наполеончикахъ недостатка не было; но имъ воздуху не хватаетъ и они захлебываются обыкновенно на первыхъ шагахъ. Раскольниковъ [1]) убиваетъ старуху-ростовщицу, руководствуясь тѣмъ, что если Наполеонъ истребилъ массы людей, то ему одну вредную старуху и Богъ велѣлъ, чтобы ея деньгами помочь неимущимъ; но за такой подвигъ попалъ только на каторгу. Забылъ онъ, что могій вмѣстити, да вмѣститъ, и что̀ сказалъ еще Паскаль по поводу подражанія великимъ: «L'exemple de la chasteté d'Alexandre n'a pas tant fait de continents que celui de son ivrognerie a fait d'intempérants. Il n'est pas honteux de n'être pas aussi vertueux que lui, et il semble excusable de n'être pas plus vicieux que lui... S'ils sont plus grands que nous, c'est qu'ils ont la tête plus élevée; mais ils ont les pieds aussi bas que les nôtres...» [2]).

24.

Чувствую, что сдѣлалъ очеркъ мало достойный предмета. Все же полагаю, онъ достаточно рисуетъ, какія свойства въ натурѣ Наполеона влекли къ нему однихъ, подчиняли ему другихъ, даже вовсе нерасположенныхъ къ подчиненію, даже враждебныхъ.

При такихъ задаткахъ могъ-ли онъ воздержаться отъ злоупотребленія своею силою. Это возможно было бы при одномъ условіи — если бы въ природѣ существовали палки объ одномъ концѣ, силы объ одномъ полюсѣ, но такихъ пока не открыто. Если бы онѣ

---

[1]) Герой романа Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе».

[2]) Примѣръ цѣломудрія Александра не нашелъ столько подражателей, какъ его невоздержность въ употребленіи вина. Не зазорно не быть ему равнымъ въ добродѣтели и какъ будто извинительно быть столь же, какъ и онъ, невоздержнымъ... Если они болѣе насъ велики, то потому, что головою выше; а ноги ихъ стоятъ такъ же низко, какъ и наши.

были, то полагаю и жизни не было бы, ибо вся она есть не болѣе какъ борьба противоположностей, изъ коихъ каждая то побѣждаетъ свою противницу, то бываетъ ею побѣждаема, и сочетаніе ихъ въ гармоническомъ единствѣ возникаетъ только мимолетно, какъ въ судьбѣ Наполеона первые года консульства.

Война, а въ минуты кризиса и гражданская жизнь, требуетъ крайняго напряженія какъ моральныхъ, такъ и физическихъ силъ; проявленія всѣхъ свойствъ человѣка, отъ самыхъ возвышенныхъ, до самыхъ низменныхъ. Ибо основная цѣль заключается въ томъ, чтобы сломить врага во что бы то ни стало, а не въ томъ, чтобы сломить извѣстнымъ образомъ. Кто ставитъ вопросъ иначе, всегда проигрываетъ, наткнувшись на противника, который не стѣсняется въ выборѣ средствъ.

Въ этомъ разница между частною и общественною дѣятельностью. Въ первой обязательны извѣстныя этическія нормы: во второй онѣ являются только служебною силою, къ которой прибѣгаютъ или нѣтъ, смотря по тому, можетъ ли она привести къ желаемому результату, или нѣтъ.

Общественный дѣятель долженъ весь отдаваться обществу и о себѣ не думать. Работая не на себя, а на народъ, онъ не имѣетъ права проявленіями личной добродѣтели, или состраданія, облегчать участь противника и на столько же усиливать страданія своихъ войскъ, или своего народа. Есть частныя добродѣтели, которыя въ общественной жизни могутъ стать преступленіемъ измѣны родинѣ, и наоборотъ. Моралисты вращаются въ сферѣ идей; политики и военные имѣютъ дѣло съ интересами и страстями; отъ того непримиримое противорѣчіе между тѣми и другими. «Вы работаете на бумагѣ, я на человѣческой кожѣ» (Екатерина Великая въ разговорѣ съ Дидро). «Если бы мы дѣлали для себя то, что дѣлали для Италіи, мы были бы большими негодяями» (Кавуръ).

Сколько бы ни называли парадоксомъ признаніе разницы между частной и общественной этикой, но эта разница была и будетъ, какъ это ни возмутительно для индивидуальнаго ума. «Да, но эту разницу честолюбцы расположены поворачивать въ свою пользу, и,

подъ предлогомъ работы на народъ, работаютъ на себя?» Ничего не подѣлаешь: что̀ употребляется, то и злоупотребляется.

Великой блудницѣ многое простилось, потому что она много любила. И ему многое простится, поелику онъ много дерзалъ.

«Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ» [1]).

25.

Возможно-ли появленіе и возвышеніе подобныхъ людей въ будущемъ? Люди умоваго типа, «идеологи», какъ ихъ обзывалъ Наполеонъ, конечно, будутъ утверждать, что невозможно. Съ ихъ точки зрѣнія, что̀ имъ не нравится, то и невозможно. Но кто сколько нибудь безпристрастно штудировалъ исторію, тотъ этого, конечно, не скажетъ. Если Цезари, Магометы, Чингисъ-ханы, Атиллы, Наполеоны возможны были въ прошедшемъ, то они явятся и въ будущемъ, какъ только явится запросъ на нихъ. И этому не помѣшаетъ никакое развитіе цивилизаціи, никакія открытія ума, ибо дѣйствуютъ подобные люди въ области воли, неподчинимой уму.

Что можетъ сдѣлать умъ противъ человѣка, обладающаго магическою силою подчинять себѣ волю массъ? Ничего. И чѣмъ такой человѣкъ будетъ болѣе чуждъ массѣ, къ которой присосется волею судебъ, чѣмъ болѣе проникнетъ ея духъ, постигнетъ ея слабыя и сильныя стороны, тѣмъ сильнѣе ее очаруетъ, тѣмъ далѣе за собою поведетъ. И кто по увлеченію, кто по своекорыстію, по глупости, по подражанію и проч., и проч., но пойдутъ *всѣ*. «Ils grognaient, et le suivaient toujours... [2])». Тѣ рѣдкія, слишкомъ рѣдкія, единицы,

---

[1]) Пушкинъ. «На смерть Наполеона».
[2]) Они ворчали, но всегда шли за нимъ.

которыя поймутъ эту сложную игру страстей и шарлатанства, какъ бы ни были онѣ прозорливы, ничему не помѣшаютъ, ничего не остановятъ, никого не просвѣтятъ, и будутъ стоять себѣ какъ верстовые столбы, мимо которыхъ несется бурный потокъ жизни съ его тріумфами и катастрофами, наслажденіями, страданіями, героизмомъ, низостью, гибелью...

Въ безбрежной области непознаваемаго, подчиненіе воли массъ волѣ одного представляетъ для человѣка одно изъ самыхъ притягательныхъ, роковыхъ, неодолимыхъ и непостижимыхъ явленій. Чувствительно созерцательныя души могутъ объ этомъ сокрушаться, этимъ возмущаться, но отвергнуть или игнорировать не могутъ; Это фактъ, а фактъ — нахалъ.

26.

Послѣ всего сказаннаго я могу закончить эти замѣтки отвѣтомъ на вопросъ, предложенный мнѣ въ вашемъ [1]) письмѣ: «Autrefois, dans le calcul des chances, on faisait entrer pour beaucoup les qualités psychologiques de chaque nation. Aujourd'hui que la guerre est transformée, les dispositions psychologiques ont-elles perdu de leur influence [2])?»

Военное дѣло представляетъ двѣ стороны, рѣзко различныя между собою: parties des détails et parties sublimes [3]), по маршалу саксонскому; partie terrestre et partie divine [4])—по Наполеону, что, собственно говоря, одно и то же. Въ чемъ именно война преобразовалась, и каковы факторы преобразованія?

Эти факторы суть: 1) усовершенствованное огнестрѣльное оружіе; 2) распространеніе желѣзныхъ дорогъ, 3) громадный ростъ численности армій и, какъ слѣдствіе этого роста, короткіе сроки службы. Первые два фактора чисто матеріальные и, какъ таковые,

---

[1]) Письмо г. J. Simon'а къ автору. *Примѣч. ред.*

[2]) Прежде въ разсчетъ вѣроятій вводили, и большой величиной, психологическія качества націй. Теперь, когда война преобразилась, психологическія предрасположенія не утратили-ль части своего вліянія?

[3]) Отдѣлъ подробностей и отдѣлъ высочайшій.

[4]) Отдѣлъ земной и отдѣлъ божественный.

они не могутъ быть причиной измѣненія духовной натуры человѣка, а слѣдовательно, и partie divine de la guerre. Надѣюсь, никто не станетъ утверждать, чтобы, напримѣръ, ружье Лебеля или скорость передвиженія могли подѣйствовать на измѣненіе въ человѣкѣ логики, чувства, страстей, воображенія.

По этому уже можно видѣть, не входя въ дальнѣйшія развитія, что психологическія данныя не могли утратить своего значенія. Это имѣло бы мѣсто только тогда, если бы современный человѣкъ сдѣлался, благодаря новому оружію и желѣзнымъ дорогамъ, менѣе прежняго доступнымъ вліянію воображенія, внушенія (suggestion), неожиданности, менѣе подверженнымъ усталости, болѣе упорнымъ, выносливымъ, болѣе свободнымъ отъ вліянія инстинкта самосохраненія; однимъ словомъ, болѣе доблестнымъ. Современное оружіе и желѣзныя дороги могли ли усилить эти свойства? Не только не могли, но скорѣе способствовали пониженію уровня желательныхъ и повышенію нежелательныхъ свойствъ. Желѣзныя дороги отучаютъ ходить, и огнестрѣльныя впечатлѣнія приходится выносить теперь, начиная съ разстоянія 5,000—6,000 метровъ и до столкновенія, между тѣмъ какъ въ Наполеоновскую эпоху далѣе 1,500 метровъ ихъ зона не шла.

Можно ли послѣ этого сказать, что dispositions psychologiques ont perdu de leur influence? Нѣтъ, нѣтъ. Прежде стрѣляли до 300 и 1,800 шаговъ (ружья, пушки); теперь до 3,000 (ружья) и до 8,000 (пушки) шаговъ; прежде на театрѣ войны передвигались въ сутки на 25, 30 километровъ, теперь переѣзжаютъ на 300—100 километровъ, а при нуждѣ и далѣе. Разница поразительная, конечно; *но разница преимущественно количественная, матеріальная.* Одними взаимнымъ разстрѣливаніемъ и одними переѣздами побѣда не одерживается, а въ концѣ концовъ нужно сойтись грудь съ грудью; и здѣсь одолѣетъ не тотъ, кто лучше вооруженъ, или скорѣе переѣзжаетъ, а тотъ, кто меньше боится за свою шкуру, кто проявитъ болѣе *нравственной* энергіи, упорства, кто не боится погибнуть, *кто лучше умѣетъ страдать, умирать...* «Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ...» Однимъ словомъ, все дѣло въ томъ, каковъ духовный человѣкъ? Къ нему и обратимся.

27.

Современный человѣкъ съ его духовными и физическими опредѣленіями есть третья и важнѣйшая данная, отражающаяся на характерѣ войны. Важности этой данной, къ сожалѣнію забываемой всѣми приверженцами техническихъ усовершенствованій, отвергать нельзя. Сказанные приверженцы скромны даже до забвенія того, что они и сами люди; и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, создаютъ себѣ изъ оружія и локомотива кумировъ, передъ коими и повергаются въ прахъ, въ родѣ того, какъ дѣлали мексиканцы, увидѣвъ въ первый разъ лошадей и огнестрѣльное оружіе. Но вѣдь теперь такой разницы между противниками въ Европѣ нѣтъ и быть не можетъ, а огне-и паро-поклонники въ своемъ увлеченіи не хотятъ этого знать.

И однако, могли бы они вспомнить хотя то, что ни оружіе само не стрѣляетъ, ни локомотивы сами не возятъ; а стрѣляютъ изъ перваго и возятъ на вторыхъ тѣ же люди, которые, сверхъ того, ихъ и изобрѣли. А твореніе развѣ можетъ стать выше творца? Невольно вспомнишь геніальную басню ла-Фонтена, какъ скульпторъ, изваявъ Юпитера, самъ же первый и палъ передъ нимъ ницъ!

И употребляютъ оружіе и локомотивъ тѣ же *люди;* употребляютъ худо или хорошо, въ зависимости отъ того, глупо или умно они мыслятъ, слабо или сильно хотятъ, боятся-ли за драгоцѣнные дни свои, или же проникнуты самоотверженіемъ, которое, какъ мы уже условились, одно даетъ ясность мысли и твердость рѣшеній въ опасныхъ положеніяхъ. И послѣ этого, не краснѣя, усиливаются еще доказывать, что нравственная сторона яко бы утратила свое значеніе? «Чего боишься? Цезаря везешь»!

Посмотримъ же, каковы духовныя и физическія опредѣленія современнаго человѣка въ массѣ и единично.

Главная отличительная черта военныхъ массъ въ настоящее время—это ихъ многочисленность [1]) и короткіе сроки службы; еди-

---

[1]) А количество всегда получается въ ущербъ качеству.

ницъ—молодость и потому меньшая способность къ перенесенію лишеній, большая впечатлительность, меньшая сплоченность, меньшая привычка къ повиновенію и покорности.

Все это еще разъ указываетъ на громадное значеніе психологическихъ предрасположеній. Если Наполеонъ давалъ имъ $^3/_4$ въ успѣхѣ, оставляя на матеріальныя данныя только $^1/_4$, то, полагаю, что первыя будутъ теперь играть роль гораздо больше.

Не будетъ, конечно, хвастовствомъ съ моей стороны утверждать, что наши люди менѣе пылки, слѣдовательно, менѣе впечатлительны и, по условіямъ быта, болѣе выносливы, чѣмъ французы. А между тѣмъ въ прошлую войну послѣ боя случалось, что цѣлые биваки поднимались ночью на ноги съ крикомъ «ура» изъ-за того, что съ просонья кто-нибудь одинъ крикнетъ «ура»; и большого труда стоило офицерамъ успокоивать это волненіе. Боевыя впечатлѣнія такъ сильно дѣйствуютъ на молодаго солдата, что онъ ими бредитъ во снѣ, какъ ребенокъ бредитъ тѣмъ, что̀ его сильно поразило днемъ. И такъ какъ настроенію крикнувшаго отвѣчало настроеніе всей массы, то оно и передавалось ей какъ по электричеству.

А кто не знаетъ паники, объявшей чуть не цѣлый корпусъ на другой день послѣ Сольферинской побѣды, *среди бѣла дня*, и ничтожной причины, ее вызвавшей? Такого рода явленія нѣсколько поважнѣе какой-нибудь дальнострѣльности, а тѣмъ болѣе скорострѣльности, и заслуживаютъ глубокаго вниманія и размышленія тѣхъ, которые не забыли замѣчанія Наполеона: qu'entre la bataille gagnée et la bataille perdue il y a des empires [1]... Можно ли послѣ этого утверждать, что какое нибудь ружье умалитъ значеніе духовной стороны въ бою—предоставляю судить каждому.

Что̀ прежде давалось продолжительными войнами и отчасти длинными сроками службы, того нужно достигать теперь послѣдовательно соображенной и настойчиво проводимой въ жизнь системой воспитанія.

---

[1]) Между выигранной или проигранной битвой судьба государствъ.

Здѣсь не мѣсто излагать эту систему. Скажу только, что основная идея ея заключается въ томъ, чтобы и въ мирное время знакомить человѣка съ чувствомъ опасности и давать ему практику въ преодолѣніи этого чувства. Только при этомъ условіи маневры и прочія занятія пріобрѣтаютъ значеніе для военнаго времени, а безъ этого всѣ они не болѣе какъ игра въ солдатики; очень красивая и потому заманчивая, но игра.

М. Драгомировъ.

2007044204

